

ШОТА РУСТАВЕЛИ
ВИТЯЗЬ
В ТИГРОВОЙ
ШКУРЕ



Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

«Aegitas»

Руставели Ш.

Витязь в тигровой шкуре / Ш. Руставели — «Aegitas»,

ISBN 978-1-77-246809-0

Престарелый царь Аравии Ростеван, не имея сына-наследника, возводит на престол свою единственную дочь, красивую и мудрую Тинатин, питающую любовь к славному рыцарю - полководцу Автандилу. Однажды во время охоты Ростеван и Автандил повстречали чужестранного витязя в барсовой шкуре, погруженного в глубокую скорбь. Все попытки заговорить с ним оказались тщетными; к тому же он бесследно исчез. Огорченного царя охватило уныние, и Тинатин поручает своему возлюбленному во что бы то ни стало отыскать загадочного чужеземца. Автандил охотно берется выполнить поручение своей повелительницы. После долгих и тяжелых странствий он находит этого витязя, по имени Тариэл. Витязь рассказывает Автандилу свою печальную историю: он - отпрыск царственного рода, военачальник и амирбар самодержца Индии Фарсадана, терзаемый страстной любовью к солнцеликой царевне Нестан-Дареджан. Царь Фарсадан решил выдать Нестан замуж за хорезмийского царевича и объявить его наследником престола, хотя по праву наследником считался Тариэл. Нестан уговорила своего миджнура (возлюбленного) убить соперника и захватить власть. Царевну обвиняют в преступной любви к мятежнику и подвергают суровой каре: после жестоких побоев ее тайно увозят за пределы Индии. Тариэл бросается на поиски любимой, но тщетно. Потеряв всякую надежду отыскать ее, он покидает отечество, уединяется и живет в пещере. Автандил братается с Тариэлом, утешает, обнадеживает его, и они вместе отправляются на поиски Нестан-Дареджан. Наконец отыскивается ее след. Прекрасная царевна заключена в неприступной крепости Каджети Тариэл и Автандил при содействии третьего побратима, Фридона, овладевают крепостью и освобождают Нестан. Радостные, счастливые побратимы-витязи возвращаются в родные края.

ISBN 978-1-77-246809-0

© Руставели Ш.

© Aegitas

Содержание

ВСТУПЛЕНИЕ	6
СКАЗ 1	10
СКАЗ 2	16
СКАЗ 3	25
СКАЗ 4	27
СКАЗ 5	41
СКАЗ 6	44
СКАЗ 7	48
СКАЗ 8	49
СКАЗ 9	50
СКАЗ 10	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Шота Руставели

Витязь в тигровой шкуре

ВСТУПЛЕНИЕ

Ты, вселенную создавший, силой собственной велик,
Дуновеньем животворным бездыханное проник,
Людям дал весь мир – несметной многоцветности цветник,
Странам дал владык, и в каждом отражается твой лик.

Бог единый, ты – прообраз всех земных и горних тел,
Дай мне силу, чтобы дьявол полонить меня не смел,
Дай любить еще, доколе смерть не вырубит предел,
Облегчи грехи, что телу навсегда даны в удел!

Льву приличны меч и пика, медный щит ему пристал,
Солнца блеск идет царице, чье обличье – алый лал.
Как осмелиться, не знаю, мне излить поток похвал?
Взору в дар Тамар явилась, но хвалы отдарок мал.

Слез кровавых дождь хвалебный только ей да будет мил!
Темных слов мы не сказали, и творил я без чернил:
Не перо – тростник высокий черным озером поил,
Чтоб хвалебный стих иному, точно меч, по сердцу бил.

Петь уста, ресницы, брови – долг почтительный певца,
Зубы выложены ровно, два блистающих венца;
Бело-розовый точеный люб овал ее лица.
Раздробит и камень твердый наковальня из свинца.

Мне нужны язык и сердце, чтобы славить и хвалить,
Дай уменье мне и силу с песнопеньем разум слить,
Чтоб смогли мы Тариеля словом пламенным почтить,
И да свяжет трех героев неразлучной дружбы нить!

Этот плач о Тариеле не иссякнет, вечен он.
Сядьте все вокруг Руставели, кто рожден, как он рожден.
Я пою о нем стихами, в сердце копьями пронзен,
Вышив повесть жемчугами, дал я прозе перезвон.

Я, Руставели, сказ певучий до исхода доведу
Для тебя, царица войска, иль умру здесь на виду.
Обессиленный любовью, я спасения не жду.
Коль спасти меня не можешь, схорони со мной беду!

Сказка персов по-грузински мною песенно дана,

Перешла из рук на руки, как жемчужина, она;
Мной наряженная в рифмы, здесь она вознесена.
Омрачившая мой разум, не отвергни письма!на!

Проясниться снова жаждет ослепленный ею взор,
И, стесненное любовью, сердце в доли я простер.
Я душою возрождаюсь, подымаясь на костер.
Три воспетых цвета смогут исчерпать стиха простор.

Должен каждый примириться с предназначенной судьбой:
Пусть работает работник и уходит воин в бой,
А влюбленный пусть палящий сохраняет в сердце зной,
Пребывая безупречным в сокровенной страсти той.

Есть в поэзии течение слов премудрых и святых,
Счастлив, кто благоговейно высоту ее постиг.
Весь простор могучих мыслей заключает краткий стих -
Тем прекрасна речь поэта, тем отлична от иных.

Как по длинным перегонам проверяют скакуна,
Как по взмаху и размаху ловкость мячника видна -
Так и силы стихотворца мерит повести длина.
Не должна же сокращаться в затруднениях она.

На певца тогда смотрите, как опасность велика!
Чтоб слова не поредели и не стала речь мелка,
Напрягаться всё сильнее нужно силам ездока:
В мяч без усталости чоганом пусть разит его рука.

Кто случайно два-три слова склеит рифмой тут и там,
Тщетно чтит себя поэтом, к славным тянется певцам,
Сложит стих, другой приложит, хоть нескладность видит сам,
Но твердит: "Всех превзошел я и затмил!" – как мул упрям.

Есть иного рода песни, дара малого удел,
Что сердца рассечь способных слов составить не сумел;
Словно слабый лук подростка, перед хищником несмел,
Лишь на мелкую дичину тратя мелочь робких стрел.

Есть еще род песен, годный для забавников пустых,
Для любовных объяснений, для пиров и шуток злых;
Эти песни нам любезны, если красит ясность их,
Но поэт лишь тот, кто в песнях величавости достиг.

Тратить попусту не должно дарование свое,
Для единой страсти должно в сердце выстроить жилье.
Надо всё творить искусно, коль творится для нее,
И не ждать, чтоб воздаянье протянула длань ее.

К той, что прежде восхвалял я, вновь летит моя хвала,
По достоинству я славил, и не ждет меня хула,
Жизнь моя и беспощадность леопарда в ней жила,
Пел я имя несказанной, что единственно светла.

Чувство истинное – это отражение высших сил.
Надо, чтоб язык поэта несказанность изъяснил.
Есть возвышенная сила широко растущих крыл -
Тот, кому она открылась, всё страданию открыл.

Не поймут любви подобной и мудрейшие земли,
Коль признаньями и уши и язык уже сожгли.
Я сказал: земные чувства те, что с плотью расцвели,
Горним вторят, избирая лишь томление вдали.

По-арабски однозвучны и "безумен" и "влюблен":
Кто влюблен и кто безумен-тщетной грезой омрачен,
Кто возносится любовью – тронет дланью небосклон,
Кто телесным очарован – крылья к травам клонит он.

Коль высокой страсти служишь, то, как солнце, будь красив,
Будь свободен ты и молод, мудр, богат, красноречив,
Будь и чуток, и уступчив, и меж витязей ретив, -
Коль достоинств не имеешь, удержать сумеи порыв!

Есть краса в искусстве чувства, и рекут мои уста:
Сочетать служенье сердца с грешной скверною – тщета.
Меж любовью и развратом – грозной бездны пустота.
Меж несходными да будет непрейденною черта!

Коль возлюбленной влюбленный посвятил себя вполне,
Разлучась, он должен вздохи учащать наедине,
Должен верным оставаться и в пучине и в огне.
Бессердечных поцелуев звон веселый мерзок мне.

Пусть никто любовь такую настоящей не зовет,
Где сегодня той все ласки, завтра этой весь почет,
Лишь себе ни в чем отказа, в детской страсти, без забот.
Но влюбленный всё мирское в жертву милой принесет.

Тот, кто истинно полюбит, ото всех любовь таит,
Вдаль страдания уносит, одиночеством сокрыт.
Ведь душа в самозабвенье, если пламенем горит,
От любимой примет кротко даже горький яд обид.

Обретя любовь, не должно молвить слово ей во вред,
Надо скрыть любовь, чтоб люди не нашли ее примет.
Если чувства не заметят – и смущенья вовсе нет,
Надо пламенем одеться, счастья блеск творить из бед!

Лишь безумной люб с нескромным откровенный разговор,
Разглашающий приносит и себе и ей позор.
Как, любимую ославив, снова встретить нежный взор?
Пусть не ранит сердца милой дорогого наговор!

Как возлюбленному верить, коль с предателем он схож?
Сам не выиграв – любимой он готовит слезный дождь.
Что ж возвел ее высоко, если низко низведешь?
На земле всего милее злому сердцу – злая ложь.

Если плачут о любимой – эти слезы всех светлей,
Одиночество зачтется, как уход в простор полей.
В долгих думах о единой неразлучно слейся с ней;
Пусть же будет чувство это неприметно для людей.

СКАЗ 1

О РОСТЕВАНЕ, ЦАРЕ АРАБОВ

Ростеван был царь арабский, божьей милостью храним;
Войск бесчисленных властитель, был он щедрым и простым.
Мудр, любезен, правосуден, прозорлив, неотразим.
Кроме доблести прославлен красноречием своим.

Не имел детей державный, кроме дочери одной.
Ум и сердце созерцавших уносившая с собой,
Солнцем солнц она сияла, посылала блеск и зной.
Нужен мудрый, чтобы словом славить облик световой.

Тинатин ей было имя, пусть узнает это свет.
Расцвела, восхода солнца стал ясней ее расцвет.
Царь призвал визирей, сел он, и в очах печали нет,
Усадил и обратился к ним, пришедшим на совет:

"Я спрошу у вас о деле достождном, не о зле:
Свой цветок иссушит роза и развеет по земле,
И исчезнет, но воскреснет новым цветом на стебле,
А для нас померкло солнце, видим ночь в безлунной мгле.

Старость, худший из недугов, смертный бой ведет со мной,
Умирать не нынче завтра – на земле закон земной.
Что нам свет? Зачем он, если ночь за ним грозитя тьмой?
Дочь моя светлей светила на престол воссядет мой".

Изрекли царю визири: "Не терзай себя тоской!
Если роза отцветает, то венец ее сухой,
И тогда, благоухая, все цветы затмит красой.
Блеск звезды не смеет спорить и с ушербною луной.

Царь, твоя не гаснет роза, много лет не вянуть ей!
Твой приказ, недобрый даже, доброты других добрей.
Хорошо, что речью вылил тайной горечи ручей.
Пусть над нами воцарится та, что ярче всех лучей.

Хоть царем девица будет – и ее создал творец.
Что царить она достойна, в том никто из нас не льстец,
Лишь ее лучам подобен добрых дел ее венец.
Львенок львенком остается, будь то самка иль самец".

Сын амира-спасалара был спасетом Автандил,
Станом стройный, словно тополь, он луной и солнцем был,
Гладкий лик имел хрустальный, молод, мужествен и мил,

Взор царевны Автандилу блеском сердце истомил.

Он, любовь свою скрывая, превратился в беглеца,
Солнца лик его лишился и лишился багреца,
Растравляла рану встреча с алым пламенем лица.
Сожаления достойна страсть, губящая сердца.

Ростеван сказал: "Царевну царь на царство воцарит".
Был спаспет, как цвет отцветший; днесь – рубином он горит,
Молвил: "Буду видеть часто тот хрусталь, что так блестит,
Может быть, от угасанья блеск мне сердце исцелит".

Повелителя веленье всей Аравии речет:
"Тинатин, по воле отчей, днесь на трон свершен восход.
Пусть, как солнце, просветляет весь подвластный ей народ,
Пусть несет ей всякий зрячий уваженье и почет".

И сошлись аравитяне всех племен со всех сторон.
Автандил, водитель войска, был как солнце озарен;
Был визирь Сограт из многих приближенных приближен;
Был двумя поставлен ими драгоценный царский трон.

И, лицом своим сияя, Тинатин возвел отец,
Возложил своей рукою на чело ее венец,
Дал ей скипетр и закутал всю во злато и багрец.
Всех пронзила взором дева, проникая в сонм сердец.

Царь и войско поклонились, отступив пред ней назад,
Днесь, царем провозглашая, все мольбы о ней творят.
Тут кимвалы загремели, и ударили в набат.
Дева плачет, льются перлы, крылья ворона дрожат.

Деве мнилось: "Недостойна я воссесть на отчий трон".
Оттого-то ливнем долгим был к земле склонен бутон.
Царь учил: "Родивший должен быть рожденным замещен;
Буду в пламени, доколе не исполнен сей закон".

Приказал: "Не плачь и слушай, что велит отец родной:
Дочь моя, ты царь-девица, ныне призванная мной,
Ты отныне станешь править Аравийскою страной;
Будь же знающей и кроткой, мудро долг исполни свой.

Солнце розам и навозу шлет равно дары лучей:
Ты большим и малым также царской ласки не жалея,
Так отвязанных привяжешь мощной щедростью своей.
Воды снова притекают, вытекая из морей.

Щедрость царская подобно древу райскому растет,
Даже подлый покорится воздаятелю щедрот.

Снедь полезна, а хранимый бесполезным станет плод.
Что отдашь – твоим пребудет, что оставишь – пропадет".

Дева, чуткая к течению поучающих речей,
Отчей мудрости училась, и не скучно было ей.
Царь, беседуя за чарой, становился веселей.
Тщетно солнце подражало Тинатин игрой лучей.

Дева ключницу позвала и сказала: "Я звала,
Чтоб замки с моих сокровищ и печати ты сняла.
Дайте всё, что я имела, как царевною была".
Принесли сокровищ груды, блеск без меры и числа.

Всё, что в юности имела, тут же выдала она,
Знать и чернь обогатила, осчастливила сполна
И сказала: "Я учиться отчей благодати должна,
Из сокровищниц не будет сокровенной ни одна.

Все сокровища откройте, не оставив тайника,
Пригоните много мулов и коней издалека!"
Привели, и раздала, и утрата ей легка.
Как разбойники морские, загребали всё войска.

С тяжкой кладью уходили, словно с боя овладев,
С жеребцами, что стояли в царских стойлах раздобрев.
Как метель неистоцима, Тинатин, свершая сев,
Без даров не отпустила ни воителей, ни дев.

Длился пир весь день. Гремело ликование кругом,
Много ратей услаждалось царской пищей и питьем,
Только царь сидел безмолвно с отуманенным челом.
Чем от был обеспокоен? – много спорили о том.

Во главе сидел, сияя, всем любезный Автандил,
Полководец славный, ловкий, словно лев в расцвете сил.
И визирь Сограт почтенный с Автандилом рядом был.
Говорили: "Что же нынче царь так бледен и уныл?

Он дурное, верно, мыслит, если пир ему не мил;
Ведь никто его как будто здесь ничем не омрачил.
Пусть решит наш спор". К Сограту обратился Автандил:
"С ним дерзнем шутить, за то что скукой нас он осрамил".

Сразу встали от застолья и предстали пред царем
И, наполнив свои кубки, подошли к нему вдвоем.
Вот, коленопреклоненный, со смеющимся лицом,
Вольно речь визирь слагает изощренным языком.

"Царь, в лице твоём погасла днесь веселости заря;

Прав ты, блеск сокровищ редких столь прискорбно гибнет зря,
Дочь раздать всё золото хочет частодарная твоя.
Что ж венчал ее на царство, горе сам себе творя?"

Слыша это, улыбнулся повелитель всеблагой,
Удивился он визирю: "Как дерзнул шутить со мной?
Хорошо ты сделал, – молвил, – полный милостью одной,
Порицать меня за скупость будет лживой болтовней.

Мне, визирь, не это в тягость, есть на сердце гнет иной:
Побелел я, исчерпавший чашу младости золотой;
Не рожден в пределах наших только юноша такой,
Чтоб обычаю могучих ныне был обучен мной.

Только дочь одну имею; я любя ее возрастил;
Сына не дал мне всевышний; был бы юный сердцу мил.
Кто царю в стрельбе и в играх на арене равен был?
Хоть отчасти мне подобен мной возвращенный Автандил".

Слову царскому внимая, смелый юноша поник
И улыбкою украсил ослепительный свой лик.
Зубы снежные устлали светом бледным поле вмиг.
Царь спросил: "Чему смеешься? Или стыд меня постиг?"

Что во мне ты порицаешь? Чем постыдна речь моя?"
Кротко юноша ответил: "Если нет запрета, я,
Не сердись и не обидься, всё открою, не тая.
Не сочти за дерзость слово стража славы твоея!"

Молвил царь: "Когда же злое слово вымолвил ты здесь?"
И поклялся жизнью девы, затмевавшей свет небес.
Автандил сказал: "Дерзну я говорить с тобою днесь:
Не хвались стрельбой из лука, лучше слово точно взвесь!"

Автандил, ваш прах, пред вами. Лук и стрелы здесь лежат,
Ваших подданных расспросим, будем биться об заклад.
Кто мне равен в ратных играх, препираться я не рад.
Пусть на деле дол и стрелы этот спор наш разрешат!"

"Если принял ты решение, воплотить его сумей,
Коль дерзнул стрелять, старайся оказаться не слабей!
Как свидетелей правдивых мы возьмем с собой людей.
Пусть решится на арене, кто достойней и славней".

Так на том и порешили. Подчинился Автандил.
Разговор их был приветлив, и ласкателен, и мил,
Был заклад положен ими – уговор меж ними был,
Чтоб три дня, кто проиграет, не покрыв чела, ходил.

И охотникам велел он: "Обойдите всё кругом,
Всех зверей с полей сгоняя, для того мы вас берем".
А потом войска призвал он быть как зрителям при том,
Пир был прерван, где сидели все за радостным питьем.

Рано, стройною лилеей, вышел витязь, бел, румян.
Был хрусталь и лал он ликом, был наряден статный стан.
Златотканый шарф накинул, при себе имел колчан,
На коне подъехал белом, приглашая на мейдан.

Снарядившись, на охоту царь поехал, и потом
Поле ратью окружил он, оцепил его кругом.
Войско поле покрывало, шумно тешась торжеством,
Ради царского заклада стрелы частым шли дождем.

Вызвал царь: "За мной, двенадцать сопричисленных людей!
Лук и стрелы подавайте вы властителю скорей!
Верно выстрелы считайте и число добычи всей".
Звери двинулись стадами с опоясанных полей.

Стадом стад пришла добыча, велика, издалека:
Лань, кулан, коза и серна с дивной дальностью прыжка;
К ним помчались царь и витязь, созерцали их войска.
Вот стрела, и лук жестокий, и без устали рука.

Блеск небес угас, увидя отблеск конского следа.
Мчались конные, стреляя. Кровь хлестала, как вода.
Не хватало стрел, и люди подавали их тогда,
Все в крови, вперед ни шагу не могли ступить стада.

Но стрелки стада согнали и погнали пред собой;
Истребили. В небе сущий бог разгневан был резней.
Стали красными долины под кровавою рекой,
С драгоценным райским древом юный сходен был герой.

Так долину проскакали. Наступил конец игры.
Протекал поток за полем, за потоком шли бугры.
Дичь в леса уйти успела, где и кони не быстры.
Утомились и герои, больше не были бодры.

"Ловче я тебя", – с улыбкой повторяли те вдвоем,
И смеялись, и шутили, словно равные во всем.
А потом рабы приспели, вслед скакавшие верхом.
Царь велел: "Скажите правду, вашей лести мы не ждем!"

Те осмелились: "Мы правду без боязни подтвердим;
Лук спасета на могли бы встарь мы сравнивать с твоим,
Но теперь помочь не в силах; хоть убей – он несравним.
Дичь, намеченная юным, мертвой падала пред ним.

Вместе оба вы убили сто раз двадцать, мы сочли.
Автандил на двадцать больше. Царь властительный, внемли!
Все им пущенные стрелы в цель без промаха вошли.
А твои мы зачастую очищали от земли".

Но царю та весть – как будто в нарды легкая игра.
Проиграть он рад питомцу, и душа его добра.
Он любил его, как розу соловей. Пришла пора,
Отошла печаль от сердца, омраченного вчера.

У деревьев для прохлады в тень сошли они с коней,
И войска стекаться стали, затопляя ширь полей.
За спиной царя двенадцать молодых богатырей,
Для очей его забавой были берег и ручей.

СКАЗ 2

О ТОМ, КАК ЦАРЬ АРАБОВ УВИДЕЛ ЮНОШУ, ТИГРОВУЮ ШКУРУ НОСЯЩЕГО

У потока сидя, чуждый, чудный юноша рыдал,
Льву подобный, в поводу он тьмы темней коня держал,
Удила, седло и сбрую крупный жемчуг покрывал,
Слезный дождь из сердца хлынул, и на розу иней пал.

Шкуры тигра одеянье стан прекрасный облекло,
И шелом из той же шкуры облачал его чело.
С длани мощного героя плетъ свисала тяжело.
Это видящих виденье увидеть вблизи влекло.

Раб отправился, чтоб слово молвить юноше тому,
Что склонил чело и плакал, недоступный никому.
Озарил хрустальный ливень желобов гишперных тьму.
Раб растерянный не властен передать приказ ему.

Раб дерзнуть не смел; от страха в столбняке стоял без сил,
Долго силился промолвить, очарован и уныл;
Доложил: "Велел..." Вплотную подошел и вновь застыл.
Тот не чует и не чает, целый мир ему не мил.

Так раба и не услышал сокрушенный скорбью лев,
Шума войск не замечая, он сидел, оцепенев,
И рыдало сердце, словно в нем огней свершался сев.
Слезы, будто сквозь запруду, просочились, покраснев.

Грозных мыслей вихрь отсюда в область грез его отнес.
Повеление владыки раб еще раз произнес,
Но не внял ему чудесный, не унял теченья слез:
Он, увы, раскрыть не властен красный куст прекрасных роз.

Раб дерзнул, представ пред очи государя своего:
"Я узнал, от вас тот витязь не желает ничего.
Ослеплял он, словно солнце, дивен, будто колдовство.
Слух его был глух к призывам: я промешкал оттого".

Царь немало удивился, стал надменен и суров
И послал к ручью двенадцать сопричисленных рабов:
"Вы оружие возьмите! Не идущего на зов,
Там сидящего, схватите, и узнаем, кто таков".

Подошли рабы, раздался гром оружия в тишине,
И тогда лишь вздрогнул юный с сердцем, плачущим в огне.

Огляделся и увидел рать, готовую к войне,
Молчаливый и угрюмый, только крикнул: "Горе мне!"

Очи вытер, удаляя застилавший их покров,
Укрепил колчан и меч свой, в путь таинственный готов,
Сел на лошадь, не желая даже выслушать рабов.
Не внимая, повернул он и поехал вдаль без слов.

Протянуть посмели руки, пересечь дерзнули путь.
Он же – каждый пожалел бы, даже недруг злейший будь, -
Перебил одним другого, не хотел мечом взмахнуть,
А иных ударил плетью, рассекая их по грудь.

Пуще прежнего разгневан, царь погнал рабов за ним;
Тот же, словно их не видит, равнодушен вовсе к ним,
Лишь когда его догнали, он сразил их, несразим,
Вмиг, раба в раба швыряя, всех рассеял, нелюдим.

На коней тогда вскочили Автандил и Ростеван;
Уходил тот горделиво, колыхая статный стан.
Солнце по полю несется, конь героя – как Меран.
Слышит юноша погоню, весь, как зарево, багрян.

Своего коня внезапно лишь коснулся плетью он,
В тот же миг исчез, от взоров неприметно схоронен,
Словно в бездну провалился иль взлетел на небосклон:
Вкруг нигде следа не видно с четырех со всех сторон.

След его ища, дивились, что нигде не обретен.
Только дэвы так бесследно исчезают, словно сон.
Всюду павшие остались, всюду плач стоял и стон.
Царь промолвил: "Этой встречей светлый праздник омрачен.

Я, досель счастливый, богу надоел, и оттого
Мне печалью увенчал он дорогое торжество.
Днесь до смерти уязвлен я, не спасет и волшебство.
Что ж! Хвала творцу – то было провидение его".

Так промолвив, опечален, вспять он путь направил свой,
Не продолжил он потехи, отточил тоску тоской.
Все ушли, и той охоты был расстроен стройный строй.
Кое-кто подумал: "Прав он", а иной: "О, боже мой!"

Царь вошел в опочивальню, раздосадован, устал.
Автандил его в покои, словно сын, сопровождал.
Из семейства ни единый Ростевана не встречал.
Всё расстроилось веселье, лютня смолкла и кимвал.

Тинатин тотчас узнала, что отца печаль мрачит,

Подошла к дверям, имея непосильный солнцу вид,
Тихо стольника спросила: "Ныне бодрствует иль спит?"
Доложил: "Сидит, страдает, гаснет цвет его ланит.

Автандил при нем один лишь, там сидит он перед ним.
Царь был очень опечален странным юношей одним".
Дева молвила: "Не в пору я пришла. Коль спросят, им
Скажешь: "Здесь была, к покоям в тот же миг ушла своим"".

Скоро царь спросил о дочке: "Что с единой, что с одной,
Что с моим утешным лалом, с милой жизненной водой?"
Стольник молвил: "Приходила, схожа с бледною луной,
Всё узнав, ушла, чтоб снова скоро свидеться с тобой".

Царь велел: "Терпеть нет силы. Ты ступай, осмелся ей
Доложить: "Зачем вернулась, жизнь отца и свет очей?
Приходи, спасенье сердца, горе нежностью развей!
Расскажу я, чем затмила ясность радости моей"".

Повелению послушна, Тинатин пришла одна,
Лик ее светился, словно неущербная луна,
Царь, целуя, слово молвил, тихо слушала она.
Он сказал: "Неужто зова моего ты ждать должна?"

Доложила дева: "Царь мой, в час, когда ты омрачен,
Кто дерзнет тебя увидеть – пусть гордится этим он.
Скорбь твоя светила свергнет, сотрясет и небосклон,
Но решимость в деле лучше, чем страдание и стон".

Молвил царь: "Хотя и ранен я свирепою судьбой,
Оживаю, лик твой милый лицезрея пред собой.
Ты, целительная, тучи разгоняешь красотой:
Всё узнав, ты оправдаешь скорбь и стон унылый мой.

Некий юноша чудесный взор мой странностью привлек,
Шел сияньем над вселенной от него лучей поток,
Он рыдал, а я не ведал, чем его измучил рок.
Не меня пришел он видеть, я за ним бежал, жесток.

Слезы вытер, сел на лошадь, чуть меня завидел он,
Я схватить его пытался – был я войска им лишен.
Не приветствуя, пропал он, словно бесом схоронен;
Так доньше и не знаю, явь я видел или сон.

Что увидел, удивило: кто он был – я не пойму;
Словно вихрь кровавый, мчался он по войску моему,
Из телесных так исчезнуть невозможно никому.
Разлюбил меня создатель, погрузил меня во тьму.

Так даров его сладчайший вкус мне горек стал потом,
О былых счастливых летах я забыл, бедой ведом.
Всё мне скорбью угрожает, нет отрады мне ни в чем,
И вовеки я сжигаем буду горестным огнем".

Дочь осмелилась: "Лукавый сердце отчее мрачит.
На судьбу зачем твой ропот? Или бог тебе не щит?
В чем винишь того, чей миру животворный взор открыт?
И зачем добра создатель злое чудо сотворит?"

Царь царей, дозволь поведать думу дочери родной:
Ты владеешь беспредельной, безграничною страной!
Пусть пойдут искать повсюду отягченного виной
И узнают о безвестном, неземной он иль земной".

На восток, на север, запад и на юг людей тогда
Разослали, приказали: "Не боясь беды, труда,
Всюду юношу ищите, что сокрылся без следа,
А куда и не дойдете, письма шлите вы туда".

Диво-юношу искали эти люди целый год
И спрашивали всюду ими встреченный народ,
Но не встретили выдавших, был напрасен их поход,
И вернулись, огорчаясь тщетной тягостью забот.

Те рабы дерзнули молвить: "Обошли мы лик земли,
Но того, кого искали, мы увидеть не смогли.
Кто б на свете с ним встречался – и такого не нашли.
Мы ничем помочь не можем. Средств иных искать вели!"

Молвил царь: "Наверно, правду отгадала дочь моя:
В самом деле, злую силу у ручья увидел я.
Знать, явилось то виденье для затмения бытия.
Ни о чем уж не заботясь, грусть отрину я, друзья".

Так на радостях он молвил и умножил ряд затей:
И певцов и лицедеев повелел собрать скорей.
Раздарил подарков много верной челяди своей,
Ведь создал его создатель всех властителей щедрей.

Автандил в опочивальне был в одежде распашной,
Легкой песней услаждался, вторя арфе золотой.
Появился негр царевны передать приказ такой:
"Облик солнца, стройный тополь, склонен свидеться с тобой!"

И досталось Автандилу дело всех желанней дел,
Встал и лучшее из лучших платье быстро он надел;
Торопясь увидеть розу, был он радостен и смел.
Приближения к желанной сладко ждать себе в удел!

Горделивый, без смущенья устремился Автандил
И увидел ту, которой столько слез он посвятил.
Дева молнии подобна, блеск обличья грозен был,
Расстилаемый до неба, он и свет луны затмил,

Горноста́й нагое тело тяготил ей снеговой,
Ниспадало покрывало, злату равное ценой,
Сердце рать ресниц разила, черных копий строгий строй,
Шею белую ласкали кудри пышные волной.

Так пурпурно покрывало, так нахмурен, чуден взгляд.
Автандилу сесть велела, тихих слов был ровен лад;
Раб ему скамью придвинул; сел он, робостью объят...
Заглянул в глаза ей витязь, преисполненный услад.

"На устах я чую горечь, нахожу слова с трудом;
Что сказать я не хотела, умолчать нельзя о том:
Я должна тебе поведать, почему призвала в дом,
Почему мрачна сижу я с помутившимся умом".

Он сказал тогда: "Ты сердце огорчить не можешь мне,
Перед солнцем лучезарным как сиять еще луне?
Догадаться я не в силах, словно вижу всё во сне...
О, поведай все тревоги и доверься мне вполне".

Как достойно, к Автандилу обратилась дочь царя:
"Хоть вдали досель держала от себя богатыря,
Ныне радости сердечной приближается заря,
Но сперва скажу о горе, скорбным пламенем горя.

Помнишь день, когда с владыкой ланей стрелам ты обрек,
Диво-юноша был виден, но мгновенно стал далек...
Чтобы доблестей спаспета не коснулся наш упрек,
Вслед бесследному обследуй землю вдоль и поперек.

От тебя хотя видала я почтительность одну,
Но любви твоей безмолвной понимала тишину,
День за днем слезами розе придавал ты белизну
И, подавленный любовью, сердцем был у ней в плену.

Ты служить теперь обязан мне прилежнее вдвойне:
Ни единого с тобою мы не ставим наравне,
А к тому же, как влюбленный, пребываешь ты в огне,
Так найди ж его, хотя бы в отдаленнейшей стране!

Это сделай ты и в чувстве неизменном укрепишь,
Чтобы, скорбью омраченной, мне опять открылась высь.
Мне надежд фиалки в сердце насади и возвратись,

И с тобой соединюсь я, ты со мной соединишь.

Ты ищи его три года по окраинам земным,
Коль найдешь, приди с победой, провидением храним.
Убедимся в чародействе, коль не встретишься ты с ним.
Мною, розой неотцветшей, будешь встречен и любим.

Я, клянусь, твоей останусь, безупречною во всем.
Даже солнце, став мужчиной, если в мой проникнет дом,
Пусть лишусь тогда Эдема, поглощенная огнем,
Пусть любовь твоя во гневе поразит меня мечом!"

Молвил он: "Твои ресницы обратил в гишеры бог.
Что сказать еще дерзну я, и какой я дам зарок?
Я погибели страшился, ты продлила жизни срок.
Ведь себя уже издавна я рабом твоим нарек".

Вновь дерзнул: "Тебя, о солнце, бог светлейшей сотворил.
Оттого тебе подвластны все движения светил.
Слыша сказанное слово, снова радость я вкусил.
Цвет ланит моих не блекнет, мне лучи придали сил".

Поклялись тогда друг другу посвятить себя они,
Стали речи их потоку полноводному сродни.
Он не чувствует больше горя, что досель мрачило дни.
Зубы, перлами сверкая, мечут молнии огни.

Сели вместе и шутили, разговор их нежным стал,
И свою вкусили радость, свив гишер, хрусталь и лал.
Молвил юноша: "Безумен, кто хоть раз тебя видал,
В грудь огонь, тобой зажженный, мне стократно проникал".

Хоть не мог разлуки вынести, хоть в очах стоял туман,
Он ушел, не обернувшись, был безумьем обуян.
Град побил цветок хрустальный, зашатался статный стан,
Посвятил он сердцу сердце и горенье жгучих ран.

Он сказал: "Не может роза жить без солнечных лучей,
Был хрусталь и лал обличьем, янтаря я стал желтей.
Что же делать, коль надолго разлучаюсь ныне с ней?
Я скажу себе: ты жизни для единой не жалеи".

Он прилег в опочивальне, падал долго слезный град,
Будто в бурю тополь гнется, статный стан бедой объят,
Будто милую он видит, грезы дразнят и казнят.
То он вздрогнет, то застонет, то к земле он клонит взгляд.

Он, с желанной разлученный, пожелал ее втройне,
Перлы сыпал, уподобил розу блекнувшей луне.

А когда настало утро, подготовленный вполне,
Ко дворцу, к собранью свиты устремился на коне.

И послал он царедворца к повелителю послом,
Поручил сказать: "Осмелюсь доложить перед царем:
Все края земли раздольной покорили вы мечом,
Если надо, пусть узнают снова недруги о том.

Я пойду границы ваши защищать от злых племен,
Будет в честь державной девы каждый недруг усмирён,
Будет весело покорным непокорных слышать стон.
Дань царю пускай подносят, низкий делая поклон".

Царь изрек в ответ на это благодарственную речь:
"Знаю, лев, что никогда ты не боялся ратных встреч,
И твое решенье славно, как воинственный твой меч.
Но старайся гнет разлуки снять пораньше с наших плеч".

Автандил к царю явился, низко кланяясь ему:
"Царь, излишне благосклонны вы к спасету своему.
Если снова мне создатель осветит разлуки тьму,
К вам, веселому, веселый взор я снова подыму!"

Целовались, словно были нежным сыном и отцом.
Воспитатель и питомец где такие в мире сем?
Встал спасет и вышел; день тот черным стал разлуки днем,
Слезы лить царю досталось мягкосердному о нем.

Вышел юноша походкой величавою своею,
Двадцать дней он ехал кряду, ехал столько же ночей.
Он, подобный утру мира, был всех радостей светлей;
Неотвязно мучил сердце знойный свет ее очей.

Он к своим владеньям прибыл; шла хвала ему вослед,
Знать дары несла навстречу, говоря ему привет;
Солнцеликий не отвлекся тем от шествия спасет,
Мимолетный, тешил встречных, словно радостный рассвет.

Пограничная твердыня всем врагам была видна,
Ей скала была оградой, не на извести стена.
Лев три дня был на охоте – там была она славна, -
И решил он Шермадину сердцем ввериться сполна.

"Шермадин, мне стыдно стало, что лежит меж нами мгла.
Хоть, со мной ходя повсюду, знаешь все мои дела,
Но не знаешь ты, что роза от бессонных слез бела;
Та, чей блеск меня измучил, днесь утеху мне дала.

Тинатин меня сразила, жизнь мою сожгла любовь.

Ливни слез цветущей розе останавливали кровь.
Лишь теперь себе я молвил: "Сердце к счастью приготовь!
Днесь дана надежда ею, оттого я весел вновь".

Мне рекла: "Ищи повсюду ты о витязе вестей.
Всё разведает, вернешься, назовешь меня своей.
Не отдам иному сердца, будь он тополя стройней!"
Солнце страждущую душу исцелило от скорбей.

Как подвластный, я обязан этот выполнить зарок,
Подчиненный властелину дань уплачивает в срок.
Уняла она тот пламень, что на смерть меня обрек,
Твердый сердцем, не склоняясь, должен встретить грозный рок.

Из господ и слуг с тобою мы дружнее всех друзей.
Ты, внимая этой речи, всё в душе запечатлей.
Уходя, тебя оставлю править вотчиной моей.
Всё тебе я доверяю – от сокровищ до мечей.

Заставляй войска и знатных на врагов идти войной,
Во дворец к царю с вестями пусть гонец приходит твой,
За меня царю шли письма и казну его удвой.
Скрой мое исчезновенье, замени меня собой!

Уподобься мне повсюду – на охоте, на войне,
Жди меня три года, тайну сохраняя в тишине.
Покажусь, быть может, снова я в родимой стороне.
Коль не будет возвращенья, то заплачешь обо мне.

Доложи царю о деле, не желанном для него,
Доложи ему, что тело Автандилово мертво,
Что утратил на чужбине я земное естество.
Нищим выдай медь и золото, не жалея ничего.

Там в помощнике нуждаться буду я еще сильней,
Не изгладь меня, прошу я, ты из памяти своей,
О душе моей заботься, горячо молись о ней
И, горя, плачь о смерти преждевременной моей!"

Ужаснулся раб, услышав о решении таком;
Слезы-перлы уронил он, застонал, клонясь челом,
И дерзнул: "Тебя утратив, сердцу чем дышать потом?!"
Не останешься ты, знаю, – потому молчу о том.

Заменить тебя могу ли? И на что приказ такой?
Как господствовать сумею? Как сравняюсь я с тобой?
Без тебя я исстрадаюсь и в земле найду покой.
Лучше скроемся мы оба потаенною тропой!"

Тихо юноша ответил: "Слушай, верь и не забудь:
Коль бежит в поля влюбленный, то один свершает путь.
Разве перл дается даром, без затрат, кому-нибудь?
Ведь изменник вероломный должен пасть, пронзенный в грудь.

Коль не ты, то кто бы тайну охранить достойно смог?
Без тебя кому спокойно вверю власть на долгий срок?
Укрепи границу, чтобы враг не ведал к нам дорог.
Возвращусь я невредимый, коль того захочет бог.

Одного иль сотню року погубить не всё ль равно?
Одиночество не губит, коль погибнуть не дано.
Не вернусь – твое да будет одеяние черно.
Дам тебе письмо, отныне власть отдаст тебе оно".

СКАЗ 3

ЗДЕСЬ ПИСЬМО АВТАНДИЛА К ПОДДАННЫМ

"И кормильцы и питомцы, все внимайте вы сему,
Верноподданные наши, днесь я голос подниму,
Вы, скользющие как тени вслед желанью моему,
Соберитесь и внемлите Автандилову письму!

Мною, вашим властелином, сей завет подвластным дан,
Он рукой моею писан для моих аравитян:
Предпочел теперь утехам я объезд далеких стран.
Пусть меня отныне кормит полный стрелами колчан.

Дело некое имея, я далеко им влеком.
Должен, странствуя, три года я пробывать в краю чужом.
Я – проситель и сердечно умоляю об одном:
Дайте вновь увидеть царство, не разбитое врагом!

Я оставил Шермадина заменить меня в стране,
До тех пор пока известья не получит обо мне.
Пусть при нем зардеют розы и раскроются вполне;
Вредных, воску уподобив, он растопит на огне.

Я растил его как брата и с собою наравне.
Словно мне, ему служите на охоте и войне!
Коль затрубит он – сбирайтесь, а не стойте в стороне.
Если в срок я не приеду, с ним скорбите обо мне".

Так письмо dokonчил, слаще слов не сыщет, кто ни будь,
Золотой надел он пояс, облачился в дальний путь,
"В поле выеду", – он молвил; рать стеклась к нему примкнуть,
В тот же миг он вышел, в доме не замешкался ничуть.

"Мне защитников не надо!", – крикнул юный властелин;
Удалив рабов, умчался в даль неведомых равнин,
Тростники проехал быстро, опечален и один,
Вспоминая смертоносно-ясный пламень Тинатин.

Вмиг долиной проскакал он, не нашли следа войска.
Кто вдали его увидел, мчался вслед издалека,
Неспроста над ним простерся белый меч – ее рука,
От нее печали ноша и достойна и тяжка.

А когда войска узнали, что спаспета с ними нет,
Потускнели все ланиты и утратили свой цвет.
Горем радость заменяя, ожидая новых бед,

Быстроконные скакали, не могли напасть на след.

"Лев, кого ж господь возвысит? Кем ты будешь замещен?"
Собирали вести всюду, шли гонцы со всех сторон.
Тщетно воины искали, за предел сокрылся он.
Об утраченном рыдали, был погибелен урон.

Шермадин созвал скорбящих, и пришли они на зов,
Автандилово посланье каждый выслушал без слов.
Вняв ему, сердца заныли у господ и у рабов,
Били в грудь себя, и каждый заколоться был готов.

Все дерзнули: "Хоть без солнца мы едва ли расцветем,
Лишь тебя иметь хотел бы на престоле он своем,
И тебе, конечно, будем мы покорными во всем".
Князем сделали вассала, били все ему челом.

СКАЗ 4

УХОД АВТАНДИЛА НА ПОИСКИ ТАРИЭЛЯ

Мудрый Езра и Дионос эту правду подтвердят:
Жарких слез достойна роза, коль замерз ее наряд;
Так же тот, кто ликом лалу, станом тополию собрат,
Если он отчизну бросит, жаждой странствия объят.

Быстро по полю промчался белоконный Автандил
И, Аравию покинув, на чужбину путь продлил.
Но с возлюбленной разлука отняла немало сил;
Возгласил он: "Будь я с нею, ныне слез бы не пролил".

Свежий снег скрывает розу, чтобы цвет ее погас.
Ах! не раз кинжал хватал он, жаждой смерти разъярясь;
Молвил: "Горе стало горше и тяжеле во сто раз,
Ведь ушел я, не дослушав арфы радостной рассказ!"

Солнца нет, и роза вянет, ей дарит разлука тьму.
Потерпи", – просил он сердце, и не пал он потому.
Сколько страшных мест встречал он, верный долгу своему!
Сколько встречных указало направление ему!

Так шли поиски, и слезы дотекали до морей.
Так рука была подушкой, ложем плат нагих полей;
Повторял он: "О, царица, сердцем преданным владей!
За тебя мне смерть была бы долголетия милей!"

Он лицо земли объехал, нетерпением гоним.
Больше места нет под небом, не исхоженного им.
Были поиски напрасны, след желанный был незрим:
Без трех месяцев три года он по странам жил чужим.

И попал он в каменистый край затерянных теснин,
И, не встретив человека, месяц ехал он один.
Вис невзгод таких не знала, не изведал их Рамин.
Днем и ночью он томился, вспоминая Тинатин.

В долгих поисках стоянки до вершины он добрел,
И оттуда показался вдалеке лежащий дол:
Там внизу потоком узким был размыт скалы подол.
Оба берега объемля, лес раскинувшийся шел.

Дням оставшимся он в страхе на вершине счет вершит:
Два лишь месяца осталось. Против рока нет защит,
"Преждевременно оплачут, буду я стыдом убит!"

Вновь родиться кто сумеет? Зло в добро кто обратит?"

На вершине он в раздумье сам себе сказал тогда:
"Коль обратно путь направлю, что же выйдет из труда?
Как скажу я лучезарной, что потеряны года,
Что и слухов я не слышал, где искать его следа?"

Если вспять не поверну я – сколько времени опять
Мне искать того, о ком я ничего не мог узнать.
Шермадин слезами скоро станет щеки омыwać
И придет к царю, утратив упований благодать.

И, моей согласно воле, скажет: "Умер Автандил".
Им, справляющим поминки, станет ясный свет не мил.
Как тогда живым вернусь я, раз обета не свершил!"
Долго в думах нестерпимых на горе он слезы лил.

"Почему ты справедливость от меня отвел, господь,
И зачем заставил тщетно путь огромный побороть?
Вырвав радости, дозволил горю сердце исколоть.
Ах! Душа устала плакать, пусть же прахом станет плоть!..

Должен быть я терпеливым, – так подумал Автандил, -
Буду жизнь влачить, доколе мне господь определил;
Без него любое дело – лишь пустая трата сил.
Не бывало, чтобы смертный обреченье отвратил.

Был я всюду, всё живое вопрошая об одном,
И, однако, не разведал я нигде вестей о нем.
Может, вправду он, как дьявол, нас опутал колдовством,
И напрасно эти слезы проливаю я дождем?"

Но, спустившись, пересек он перелесок и поток;
Ехал долом, тростниками, скуку шелест их навлек,
Там он бодрости лишился и от горя изнемог.
Шла гишеровая поросль по полям хрустальных щек.

Он в раздумье тяжком ехал, стала даль еще мрачней.
По степи свой путь измерил взором плачущих очей;
Ехал месяц он в безлюдье и терзался всё сильнее.
Став к охоте не охочим, не преследовал зверей.

Хоть стремленья все затмила в нем сердечная тоска,
Но для всех в роду Адама мука голода тяжка.
Дичь сразил стрелой длиннее, чем Ростомова рука,
И, сойдя с коня, устроил он костер из тростника.

Лишь на вертеле изжарил он добычу, как привык, -
Видит: шесть каких-то конных подъезжают напрямик;

Он разбойниками счел их; был тот край суров и дик,
Не бывало, чтобы добрый человек туда проник.

К ним направился веселый – пусть напасть они дерзнут.
Видит: двое бородатых безбородого ведут,
На челе заметна рана, струйки алые текут,
Слезы льются, жизнь уходит, взор безжизненно сомкнут.

Закричал им: "Братья, кто вы! Не добра я ждал от вас".
Отвечали: "Помоги нам, чтоб лихой огонь погас,
Коль не сможешь, разжигай же горе, горем распалясь,
И, ланиты окровавив, с нами сетуй в скорбный час!"

Он расспрашивал с участием причитающих людей,
И они рыдали, вторя горькой повести своей:
"Мы – три брата, потому-то слезы льются всё сильнее.
Близ Хатайи много наших неприступных крепостей.

На охоту мы собрались, долго мчались, вдоль долин,
У реки остановились в окружении дружин;
Там мы вместе оставались месяц радостный один,
Дичь несметную мы били с побережий и вершин.

Мы, три брата, посрамили всех стрелявших в месте том;
И поэтому друг с другом мы поспорили потом: "Я убью!" -
"Нет, я всех лучше!" – горячились мы втроем.
Не смогли решить и, ссорясь, похвалялись в споре злом.

Отпустили мы добычей отягченные войска
И сказали: "Днесь решится, чья разительней рука,
Чья стрела на самом деле неминуема метка.
Что указано иными – бить негоже для стрелка".

Трое трех оруженосцев взяли в путь, он был не мал;
Всем войскам уйти велели, ведь беды никто не ждал;
Обошли, охотясь, поле, и леса, и перевал,
Били зверя; и крылатый мимо стрел не пролетал.

Вдруг явился некий юный, с опечаленным лицом;
И, как будто на Мерани, он сидел на вороном.
Шкура тигра шерстью кверху хороша была на нем.
Красоты его и отблеск человекам незнаком.

Мы на блеск его смотрели, пламя вынесли едва.
То сошло на землю солнце. Что людей ему слова?
Но пленить его дерзнули мы, земные существа.
Оттого сейчас и плачем, очевидцы колдовства.

Я хотел проехать мимо, чтобы не было хлопот,

Но коня его мой младший похвалил за быстрый ход
И пленить его просился; мы сказали: "Пусть берет".
Вскачь пустились, но, красуясь, ехал так же тихо тот.

Розы бледные окрасил с лалом смешанный алмаз,
Все мечтания разрушил и развеял он тотчас,
Он опомниться не дал нам, он обрушился на нас,
Плетью дерзость наказал он так, что свет в очах погас.

Брата младшего пустили, чтоб не старший начал бой.
Он схватил его, дерзая неземному крикнуть: "Стой!"
Тот рукой не тронул сабли, береглись ее одной.
Плетью в голову ударил, и склонился брат родной.

Брату череп раскроил он, сбил ударом лишь одним,
Он с седла его на землю сбросил, яростью палим.
Без труда он обессилил дерзко спорившего с ним
И отъехал, нами зримый, смел, надменен, нелюдим.

Больше вспять не глянув, тихо он поехал в тишине.
"Видишь: едет в отдаленье, равный солнцу и луне".
Показали Автандилу – с небосклоном наравне
Словно солнце колыхалось величаво на коне.

Автандил уже не будет орошать слезами щек.
Значит, был бесполезен трудных странствований срок.
Если цель своих исканий человек увидеть смог,
Вспоминать ему не надо прежних бедствий и тревог.

Он сказал: "Я странник, братья, и в пустыне изнемог,
Вслед за витязем от дома отделился, одинок.
И, лишь вас найдя, нашел я ныне цель своих дорог.
Так пускай же вас от скорби охранит отныне бог!

Как душа моя больная исцелилась навсегда,
Брату вашему пусть так же бог не сделает вреда!"
На свою стоянку братьям указал спасет тогда;
"Брата вашего, – сказал он, – отвезите вы туда".

Мигом с этими словами он пришпорил скакуна,
Словно сокол скинул привязь и унесся в синь без дна,
Или к солнцу устремилась окрыленная луна.
Снова сердце озарилось, жгучесть мук уташена.

Догоняя, размышлял он: "Что скажу ему сперва?
Взбесят бешеного больше неразумные слова.
Без сомненья, в деле трудном достигает торжества
Тот, кто разума степенность ставит выше удалства.

Так как всюду он блуждает, свой рассудок потеряв, -
Ни взглянуть, ни молвить слова не дозволит, одичав.
Коль настигну, витязь этот свой безумный явит нрав.
Тут один из нас погибнет...", – и скрывается меж трав.

"Почему остаться втуне должен мой тяжелый труд?
Кто бы ни был он, имеет где-то тайный свой приют.
Пусть домчится он до места, неустанен, тверд и лют.
Там найду такие средства, что победу мне дадут".

Двое суток мчались двое и вперед они и вкось,
Днем и ночью утомленным насыщаться не пришлось.
По пути остановиться им нигде не довелось,
На безлюдное пространства море слез их пролилось.

День угас, и в час вечерний ввысь вознесся очерк гор.
Там пещеры были, ниже проходил реки узор.
Обрамлял берега потока тростников густой убор,
И до кряжа лес высокий ветви длинные простер.

От ручья до скал тот витязь доскакал во весь опор.
Автандил с коня слезает, на деревья бросил взор;
На одно из них взобрался, чтоб с него свершить обзор.
Видит: юноша тот едет, пробираясь через бор.

Облаченный в шкуру тигра лишь покинул сень ветвей,
Дева в черном из пещеры вышла, полночи мрачней.
Шумных слез ее потоки докатились до морей.
Соскочил с коня тот витязь и упал в объятья к ней.

Витязь молвил: "В бездну моря наши рухнули мосты,
Не достичь нам той, что землю озаряла с высоты".
В грудь рукою он ударил и оплакал все мечты;
Кровь с лица друг другу стерли, стали снежными черты.

Лес тот чаще стал от чащи ими сорванных волос.
Так рыдали, обнимаясь, проливая реки слез;
От стенаний их по скалам эхо долгое несло.
Автандилу удивляться их деяниям пришлось.

Дева слезы осушила, стала вновь она светла,
Скакуна ввела в пещеру, сняв седло и удила,
А с наездника доспехи и оружие сняла.
Лишь внутри сокрылись оба, день отцвел, спустилась мгла.

"Как узнать их тайну?" – думал Автандил всю ночь без сна.
Рассвело, и вышла дева снова в черном и грустна
Тонким вычистила платом вороного скакуна,
Оседлала, и доспехи тихо вынесла она.

Дома редко оставаясь, он скитаний бремя нес.
В грудь бия себя, та дева чашу вырвала волос.
Обнялись. На вороного сел струящий токи слез.
И скорбящей омрачиться пуще прежнего пришлось.

Автандил вблизи увидел вновь сияние чела,
Гладкий облик безбородый, внешность солнца столь светла.
Кипарисный дух разнесся, сладость ветра возросла.
Мог, казалось, этот юный льва убить, как лев – козла.

Вновь поехал он дорогой, ими пройденной вчера.
Позади остались скалы и лесистая гора.
Автандил тогда подумал: "Мне сойти уже пора.
Этот случай мне поможет, ожидаю я добра.

Это было мне от бога. Что желать еще сейчас?
Я пленить обязан деву, чтобы вынудить рассказ,
У нее узнать всю правду про отрадного для глаз,
Чтоб сразившим иль сраженным здесь не стал один из нас".

Быстро с дерева спустившись, отвязав коня скорей,
Он доехал до пещеры, до незапертых дверей,
И навстречу вышла дева, жгучих слез лия ручей;
Верно, думала, вернулся свет, отрадный для очей.

Но примет того героя не найдя в его чертах,
Ужаснулась и к пещере побежала впопыхах.
Вмиг настиг ее, хватая, словно горлинку в сетях.
Крики девы повторяло эхо долгое в горах.

От него лицо сокрыла, так ей вид его претил,
Как в когтях орла голубка, быстро выбилась из сил;
Тариэль какой-то тщетно призываем ею был.
Перед нею на колени пал с мольбою Автандил.

Говорил ей: "Успокойся, я приехал не со злом.
К бледнолицему герою я душою был влеком.
О подобном кипарису, что-нибудь скажи о нем.
Опасения напрасны, ты столкнулась не с врагом".

Прозвучала приговором девы жалоба тотчас:
"Коль безумен – образумься, коль умен – сокройся глаз.
Как легко услышать хочешь ты о тягостном рассказ,
Но о нем ты не узнаешь, неразумен твой приказ.

Что ты хочешь, дерзновенный? Что сказать тебе в ответ?
И пером ведь не опишут несказанных этих бед,
Раз ты скажешь: "Расскажи мне", я сто раз отвечу:

"Нет!" – Слезы смеху предпочла я, и не мил мне белый свет".

"Ты не знаешь, сколь далеких я дорог изведаль жуть,
Сколько времени искал я, сколь печален был мой путь.
Отчего же для рассказа уст не хочешь разомкнуть?
Расскажи теперь всю правду, не стыдясь меня ничуть".

Та в ответ: "О, чуждый витязь, что меж нами за совет?
Ты, как иней, появился, лишь сокрылся солнца свет.
Слово длинное обидно, будет краток мой ответ:
Что ты хочешь, то и делай, – знай, о тайном речи нет".

Снова клялся и просил он на коленях перед ней;
Стал просящему противен тщетный шум своих речей:
Он, от гнева багровея, скомкал шелк ее кудрей,
Острый нож приставил к горлу бледной пленницы своей.

Ей сказал: "Угрозой стала моему ты бытию,
Хочешь ты, чтоб вечно лил я слезы так, как ныне лью;
Если ты всего не скажешь – жизнь утратишь ты свою:
Пусть врагов моих погубит бог, как я тебя убью!"

Та в ответ: "Нашел ты средство бесполезное, увы!
Ничего не отвечают те, которые мертвы.
Коль убьешь, на мне для речи уж не будет головы.
Что скажу тебе, доколе не видна мне цель молвы?"

Кто ты, чтоб допрос чинить мне, к моему придя жилью?
Повесть горькую, живая, я навеки утаю,
Я себя для убиенья добровольно предаю.
Как посланье роковое, разорви ты жизнь мою.

Смерти вовсе не боюсь я, ты того не сознаешь,
Твой меня лишит лишений и от слез избавит нож.
Мир соломинке подобен, – с ней, мне кажется, он схож.
Если я тебя не знаю, вдруг доверюсь для чего ж?"

Понял юноша: "Тут сила ни к чему не приведет.
Лучше дело мне обдумать, чтоб иной найти подход".
Отпустив ее, он рядом сел и градом слезы льет,
И речет: "Тебя разгневал; добрый где найду исход?"

Хоть она еще сердилась, ветер облако пронес.
Автандил рыдал и больше ничего не произнес.
Слез запрудилась запруда в цветнике румяных роз;
Деву тронули рыданья, сердце кровью залилось.

Слезы юноши увидев, дева слезы пролила,
Всё же чуждому чужая молвить слова не могла.

Понял витязь: "В этом сердце не осталось больше зла".
Пал пред нею на колени и склонил хрусталь чела.

Он сказал: "Мне казнь готова, чтобы я в огне угас,
Сильно я тебя разгневал, сиротою стал сейчас,
Днесь тебе я доверяюсь, озари алмазы глаз:
Ибо сказано в Писанье: грех прощается семь раз.

Хоть принять меня не можешь за хорошего слугу,
Сожалеть влюбленных должно! В этом разве я солгу?
Больше нет во мне надежды, я – что роза на снегу.
За тебя отдам я душу, что отдать еще смогу?"

Лишь о страсти незнакомца довелось услышать ей,
Не ручей из водоема – ливень грянул из очей;
Снова дева застонала, зарыдав еще сильней,
Бог утешил Автандила сладкой милостью своей.

Видит витязь: этим словом взор ее преображен,
Как влюбленная в кого-то, учащает крик и стон.
Молвил ей: "Врага жалеют, если этот враг влюблен.
Знаешь ты, как жаждет смерти тот, кто страстью уязвлен?

Я – влюбленный до безумья, тяжек мне удел земной.
Вслед за этим лучезарным послан я моей луной,
Не бывать там, где бывал я, даже туче грозовой,
И во мраке вашей тайны вы предстали предо мной.

Лик возлюбленной прекрасный мне сопутствует везде;
Из-за этого безумный шел в огне я и в воде.
Умертви иль дай мне волю, о твоём прошу суде!
Или жизнь мне подари ты, иль прибавь беду к беде!"

Дева вновь заговорила, стал приветливее взор:
"Это слово лучше тех, что говорил ты до сих пор.
Волновал меня доселе, порождая только спор,
А теперь тебе я буду самой доброй из сестер.

Ты любовь себе на помощь в деле этом обратил,
Оттого я и смирилась, гнев мой яростный остыл;
Ты, мое упорство видя, стал растерян и уныл;
За тебя теперь умру я, больше сделать – свыше сил.

Если примешь ты покорно дружелюбный мой совет,
Ты найдешь своих исканий ускользающий предмет;
Если мне не подчинишься – будешь инеем одет,
Перед всеми осрамишься и оставишь этот свет".

Он ответил: "Это дело мне напомнило о том,

Как по некой шли дороге люди некие вдвоем,
Тот, кто сзади шел, увидел – пал передний в водоем,
Подбежал, взглянул, заохал и сказал ему потом:

"Подожди меня, товарищ, время малое будь там,
За веревкою схожу я и пропасть тебе не дам".
Друг же снизу засмеялся, удивляясь тем словам,
Закричал: "Куда я скроюсь? или ты не видишь сам?"

Лишь в твоих руках веревка с шеи сдавленной моей,
Стеснены мои движенья, и ребенка я слабей.
Ты – болящему лекарство, что захочешь, то содей.
Кто же голову обяжет, если боли нету в ней?"

Та ответила: "Не спорю, хорошо ты рассказал,
От мудрейших ты достоин слышать множество похвал.
Эту боль претерпевая, стал ты сердцем тверже скал,
Потому скажу я: "Слушай, ты искомое сыскал!"

Этой повести не сыщешь, хоть пройдешь по всем путям,
Кто ж о нем расскажет, если не поведаст он сам!
Ожидай его, покуда не вернется снова к нам;
Замолчи теперь и розу запрети разить снегам.

Я скажу, коль ты желаешь слышать наши имена:
Тариэль – тот юный витязь, чья душа омрачена,
Имя мне – Асмат, и плачу, столь печаль моя сильна.
Длятся долгих воздыханий роковые времена.

А для большего рассказа мой язык да будет нем!
В поле странствует прекрасный, тот, чей стан взрастил Эдем;
С ним живу я и дичину, им застреленную, ем;
Мимолетный, он нагрянет, но ускачет вновь затем.

Я прошу, не уходи ты, страстотерпец молодой;
Умолю я Тариэля, как приедет он домой,
Вас тогда сведу друг с другом, пусть подружится с тобой,
Пусть он сам тебе расскажет про удел тяжелый свой".

И, словам ее внимая, Автандил не восстает.
Оглянулись. Из ущелья плеск услышали, и вот -
Появилось то светило, выходящее из вод.
Эти двое отстранились, не промешкав у ворот.

Дева молвила: "Желаньям бог свершения дает,
Но содей себя незримым, схоронись, ведь близок тот,
Перед кем у самых буйных своеволие пропадет.
Может быть, смогу добиться, чтоб стерпел он твой приход".

И в пещере Автандила быстро спрятала Асмаг.
Соскочил с коня тот витязь, обнял женщину, как брат;
К океану докатился слез безрадостных каскад.
В тайнике сидящий быстро устремил к ним острый взгляд.

Стал хрусталь, в слезах омытый, сходен с желтым янтарем.
Дева та рыдала долго с дивным юношей вдвоем;
Увела коня под своды и внесла доспехи в дом.
Нож гишерна срезал слезы, опустел их водоем.

Словно узник из темницы, Автандил глядел в окно;
Шкуры тигровые стлала та, чье сердце сожжено;
Сел на них воитель юный, вновь вздыхать ему дано,
В строй гишерна стрел прекрасных лалов пламя вплетено.

Развела огонь та дева, дичь поджарила, горда,
Что изжаренная славно будет вкускою еда.
Взял кусок он с неохотой, видно, стоило труда;
Но уста отвергли пищу, так тяжка была беда.

Он прилег, заснул, но скоро был тоской развеян сон,
Вздригнул, вскрикнул, встрепенулся, явью вновь ошеломлен;
Поражал себя рукою, бил себя в безумье он.
И Асмаг терзала щеки, заглушая стоном стон.

"Что так быстро ты вернулся?" – дева молвила с трудом.
Он сказал: "Я был застигнут на пути одним царем.
Вслед войскам его несметным был обоз большой вedom;
И, охотясь там, войсками царь усеял всё кругом.

На меня тоску нагнало созерцание людей,
Приближаться не желал я, убежать хотел скорей,
Повернул я в чащу леса и сокрылся меж ветвей,
Чтоб не встретить их и утром ускакать тропой своей".

Дева слезы заструила, от очей сокрыла свет,
Изrekла: "В лесу ты ходишь, лишь звериный видя след,
Никакого человека не приблизишь для бесед;
Это делу твоему же не на помощь, а во вред.

Ты объехал всё на свете: горы, доли, глушь и гладь,
Неужели человека не нашлось тебе под стать,
Чтобы мог он от безумья разум твой оберегать?
Ты умрешь, она погибнет – разве в этом благодать?"

Молвил он: "Сестра, хоть сердцем был совет подсказан твой,
Нет на свете исцеленья этой муке огневой.
Разве может быть отыскан непришедший в мир земной?
Пусть же смерть скорей разрушит связь меж телом и душой!

Бог едва ль создал иного под планетою моей,
Потому не жду я дружбы и сочувственных речей.
Кто страданья эти стерпит? Жизнь – погибели мрачней.
Брата в мире не нашел я, ты, сестра, меня жалеи".

Та в ответ: "Тебя прошу я, будь не гневен и не зол.
Так как бог в твои визири лишь меня одну возвел,
Лучше свой, тебе на благо, утвержу я произвол;
Неумеренность постыдна, ты же меру перешел".

Молвил: "Я тебя не понял, хоть внимал твоим словам.
Как для дружбы человека я без господ создам?
Что стараться мне, коль это неуютно небесам!
Нет сомненья, одичал я, подражающий зверям".

Та в ответ: "Я многословьем твой нарушила покой.
Если друга приведу я и пойдет он за тобой,
То увидишь, сколь отраден друг, ниспосланный судьбой.
Дай мне клятву, что с пришедшим ты не вступишь в смертный бой".

Объявил он: "Я по чести повстречаться с ним хочу,
И клянусь своей луною, той, которую ищу,
Что ничем того скитальца никогда не огорчу,
Взором любящим отвечу я очей его лучу".

Встала дева и явилась к Автандилу без тревог,
Объяснила, что желанный благосклонен и не строг;
Как луну, для озаренья, в горный вывела чертог.
Тариэль, его увидев, уподобить солнцу смог.

Тариэль навстречу вышел. Стало два, подобных дню.
Стлался отблеск по долине и по горному гребню.
Их, стройнейших, даже с пальмой самой стройной не сравню.
Как семи светил сверканье рос огонь, прильнув к огню.

Не стесняясь незнакомством, обнимаются они.
Зубы, розу разрывая, мечут молнии огни.
Целовались и рыдали – был огонь огню сродни, -
Янтари теперь, где были прежде яхонты одни.

Обернулся юный, руку Автандила взял рукой,
Сели рядом и рыдали, слезы их лились рекой;
И Асмат их утешала речью дивною такой:
"О не плачьте, солнца в небе не окутывайте мглой!"

Нежный розан Тариэля легким инеем покрыт.
Молвил: "Пусть твои скитанья твой рассказ мне озарит!"

Кто ты, друг, куда идешь ты, где страна твоя лежит?
Я не светом лишь покинут, даже смертью позабыт".

Автандил ему ответил, красноречием богат:
"Слушай, лев, меня, пришельца, нежно встретивший, как брат.
Я – араб, в стране Арабской все дворцы мои стоят;
Я любовью уничтожен, буйным пламенем объят.

Моего владыки дочерью я томительно влеком,
И сама она в державе именуется царем,
Видел ты меня бесспорно, хоть со мною незнаком.
Помнишь, ты рабов могучих истребил одним бичом?

Ты, скитающийся в поле, был замечен за рекой,
Господин мой рассердился, мы погнались за тобой;
За отвергшим приглашение понеслись рабы гурьбой,
Ты окрестности окрасил кровью алою людской.

Рассекал людей ты плетью, не оружием стальным.
Царь погнался, но напрасно ты, чудесный, был гоним.
Перед нами ты сокрылся, словно бес неуследим,
Поразив исчезновеньем неожиданным своим.

Избалованный властитель, ставший мрачного мрачней,
Чтоб тебя искали всюду, разослал своих людей;
Не нашли нигде нашедших даже след ноги твоей,
А потом меня послала та, что пламени светлей.

Повелела: "Весть разведай про исчезнувший тот свет,
Твоему тогда я сердцу дам желаемый ответ!"
Без нее страдать велела в продолжение трех лет.
Нестерпимое терпел я, твой выслеживая след.

Я блуждал, тебя узревших в мире целом не узрев;
Вдруг нашел я тех, дерзнувших рассердить тебя, о лев.
Одного ты плетью ранил, и упал он, обомлев.
На тебя мне указали испытавшие твой гнев".

Тариэль тогда припомнил с аравийской ратью бой.
Молвил: "Помню, хоть и было дело давнею порой;
Воспитатель твой, как видно, на охоте был с тобой
Там рыдал я, вспомнив облик смертоносно-дорогой.

И зачем же был вам нужен я, столь чуждый и чужой?
Вы беспечно забавлялись, я рыдал, объятый мглой;
Чтоб схватить меня, послали вы рабов отряд большой,
Но, конечно, не меня вы – мертвых взяли вы с собой!

Оглянулся я, увидел, господин твой был за мной.

Как царя, его жалея, не коснулся я рукой
И избрал исчезновение вместо дерзости иной;
Ведь подобен невидимке конь мой верный вороной.

Человек ни глаз зажмурить не успеет, ни моргнуть,
Как умчусь я, если встречный неприятен чем-нибудь.
Турок тех вдали увидя, не желал им зла ничуть,
Поплатились, потому что мне пресечь посмели путь.

Ныне ты пришел на благо, милый взору моему,
Станом равный кипарису, ликом – солнцу одному.
Ты измучился безмерно, в этом я тебя пойму,
Нелегко найти безумца, богом брошенного в тьму".

Автандил сказал: "От мудрых ты хвалы достоин всей,
Что ж меня превыше меры славить ты, кто всех славней!
Ты – любимый облик солнца, блеск небесных областей,
Изменить тебя не властны слезы, сколько их ни лей!

Этот день забыть заставил всё затмившую во мне,
Я служить тебе намерен, твой отныне я вполне.
Яхонт радостней эмали и прекраснее вдвойне.
Быть с тобой до смерти жажду, мир оставлю в стороне!"

Тариэль сказал: "От сердца твоего мое в огне,
Чем за дружбу отплачу я, что питал наедине?
Ведь любовнику любовник посочувствует вполне:
Разлучать тебя с любимой не приличествует мне.

Ты во славу господина своего ушел за мной,
Нелегко меня нашел ты, трудолюбец и герой,
О себе мне что поведать? Путь зачем влачу земной?
Коль скажу – огнями вспыхну, лягу легкою золой!"

Изрекла Асмат: "Слезам не потушишь ты огней;
Как просить мне изложения жгучей повести твоей!
Ты воителю, как видно, света белого милей;
О причине ран узнавший врач их вылечит верней!

О тебе узнать старался, исторгал моря из глаз;
Как могла я твой чудесный пересказывать рассказ?
Если он про всё узнает, это будет в добрый час.
Чую я, что осчастливить провиденье хочет нас".

Страстью в пепел обращенный, призадумался; потом
Он сказал Асмат: "В скитаньях долгих были мы вдвоем,
Как не знаешь, что спасенья нет в мучении моем?
Но и этот витязь юный, плача, жжет меня огнем".

Молвил юноша: "Кто брата иль подругу обретет,
Ради них да не страшится пасть под бременем забот!
Как спасет одних создатель, коль других не обречет?
Хоть умру, но всё, что было, расскажу тебе вперед".

Он Асмат сказал: "Воды мне подносить не позабудь,
Если в обморок паду я, обмывай мне ею грудь,
Если мертвого увидишь, доброй плакальщицей будь
И сама могилу вырой, где бы мне навек уснуть".

Обнажил он грудь, уселся, приподняв свои плеча,
Как заоблачное солнце не бросал еще луча,
Уст еще открыть не в силах, он, зубами скрежеща,
Глубоко вздохнул и, плача, громко крикнул сгоряча.

Причитал он: "Дорогая, не найти твоих дорог!
О, надежда, жизнь и чувство, сердце, полное тревог,
Насажденное в Эдеме кто срубить алоэ смог?
Опаленного стократно, как огонь меня не сжег?"

СКАЗ 5

ТАРИЭЛЯ ПЕРВЫЙ РАССКАЗ О СЕБЕ, АВТАНДИЛУ ПОВЕДАННЫЙ

"Я хочу, чтоб со вниманьем ты в рассказанное вник,
В то, что я едва заставлю выговаривать язык.
От которой стал безумен, безутешен, бледнолик,
Та вдали, а я, скорбящий, кровью плачущий, поник.

Всем известно, что царило в Индостане семь царей,
Парсадан шесть царств индийских сделал вотчиной своей;
Был царящий над царями всех богаче и щедрей,
Станом – лев, а ликом – солнце, побеждал других вождей.

Был седьмым царем отец мой, устрашитель вражьих стран.
Не таясь, вступал в сраженьё мой родитель Саридан.
В царство враг войти боялся, был он ждан или неждан,
И охотой услаждался царь, удачей осиян.

Но свобода надоела, стало сердце тосковать,
Он сказал: "Врагов привык я отражать и поражать,
Отовсюду их отбросил, и велик мой пир опять.
Что ж, отправлюсь наше царство Парсадану передать!"

И тогда же к Парсадану он гонца послать велел,
Поручил сказать: "Ты целым Индостаном овладел;
Силу сердца твоего я днесь изведать захотел,
Пусть же верной службы слава мне достанется в удел!"

Парсадан веселый молвил: "Пусть на пир все поспешат",
Саридану весть отправил: "Славлю бога многократ,
Ибо, в Индии мне равный, царь ко мне явиться рад.
Приезжай, тебя я встречу, как родитель и как брат!"

Амирбарством и уделом был отец мой наделен;
Там амиром-спасаларом амирбару быть – закон.
В этой должности высокой славы всей достигнул он.
Амирбар царю подобен, только цезарства лишен.

Царь с отцом моим достойным обращался, как с равней,
Говорил: "Тебе подобных нет в державе ни в одной".
Шел он в бой, – с мольбой о мире шли враги наперебой.
С ним настолько я не сходен, сколь со мною кто иной.

Были царь с женой бездетны, труден был их жизни путь,
Неутешно горевали, и в тоске сжималась грудь.

День пришел, и я родился – день несчастный проклят будь!
Царь сказал: "Взращу, как сына, нам не чуждого отнюдь".

Я, четою царской взятый, к царской пышности привык,
Для господства был воспитан, чтоб над войском стал велик;
Мудрецы меня учили по велению владык.
Стал я львиной силой славен, словно солнце светилик.

Сколь померк я, знает это свет мой видевшая там,
Мне завидовало солнце, словно сумерки утрाम.
Все шептали: "Он подобно древу рая, свеж и прям".
Днесь я тень того сиянья, прежним преданного дням.

Зачала царица наша, было мне тогда пять лет,
Разрешилась дочерью..." – молвил и вздохнул, теряя цвет.
Грудь ему Асмат омыла и очам вернула свет.
Вновь сказал: "Светлейшим солнцем был тогда же мир согрет.

Я сказал о несказанном, и мала моя хвала,
Парсадан развеселился, торжествам пора пришла,
И сошлись цари с дарами дорогими без числа.
Рать навек даров раздачей осчастливлена была.

Так окончились родины, Стали нас растить вдвоем.
Солнца треть она являла и тогда в лице своем.
Были мы равно любимы и царицей и царем.
Назову я ту, мне сердце заменившую костром".

Чувств лишился витязь юный, вспомнив имя дорогой,
Автандил заплакал также, тронут горестью такой,
Свет очам Асмат вернула, грудь обрызгала водой.
Таризель промолвил: "Слушай, ныне смерть пришла за мной.

Царской дочери той имя было Нестан-Дареджан.
Был царевне семилетней богом ясный разум дан,
Облик, лунному подобный, был чудесно осиян.
Даже сердцу из алмаза не стерпеть подобных ран!

В бой вступить я мог, она же взоры нежила, созрев.
Царь гордился, для правленья в ней помощнику узрев.
Был отцу обратно отдан я, стройнее всех дерев,
Не однажды, словно кошка, был растерзан мною лев.

Царь для дочери особый приказал построить дом.
Безоар, рубин и яхонт заменяли камень в нем;
Брызгал розовой струею водомет перед дворцом,
Где жила та дева, сердце мне спалившая огнем.

День и ночь к ней из курильниц вился ладан голубой.

То она сидела в башне, то сходила в сад густой;
И Давар, вдове каджетской, что была царю сестрой,
Дочь свою отдал в ученье он, владеющий страной.

Во дворце парча повсюду взор узорностью влекла,
Там росла для нас незримо эта роза из стекла;
Лишь Асмаг и две рабыни знали дверь, что к ней вела.
Как возвращенным в Габаоне станом там она росла.

Парсадан меня, как сына, лет пятнадцать опекал,
Был я с ним все дни, меня он даже спать не отпускал;
Силой льву, красою солнцу, станом пальме равен стал,
На полях и на арене всех похвал я достигал.

В поле промаха не зная, была дичь моя стрела,
А с охоты на арену в мяч игра меня влекла,
После игр на пир веселый шел с друзьями без числа;
Но теперь меня та дева с милой жизнью развела.

Мой отец ушел из мира, смертный час его настиг.
Царь индийский омрачился, всех утех лишенный вмиг.
С облегченьем те вздохнули, что дрожали, как тростник.
Каждый враг отвык от плача, каждый друг в слезах поник.

Целый год я находился в черной келии одной,
И, горяя днем и ночью, позабыл я свет дневной;
Чтобы вывести из мрака, от царя пришли за мной,
Он велел: "Прошу, как сына, Тариэль, расстанься с тьмой.

Мы ведь больше сожалеем, был он с нами наравне".
Подарил мне сто сокровищ, траур сжечь велел в огне,
Сан пожаловать отцовский Парсадан изволил мне:
"Тариэлю амирбарство в нашей отдано стране".

Я огнем горел, горяя о родном отце своем,
Но из мглы меня исторгли слуги царские силком.
В честь мою назначен праздник был царицей и царем,
Далеко навстречу вышли, как родители, вдвоем.

Ими был, как сын, посажен я поближе к их местам,
И поведали, что надо мне защитой быть царям.
Попытался отдалиться, стал от робости упрям,
Но цари не отступились, Амирбаром стал я там.

Много лет прошло, о многом я забыл, судьбой гоним,
Труден мне рассказ подробный. Витязь, верь словам моим!
Мир изменчивый и лживый в злых делах неутомим,
На меня упали искры, высекаемые им".

СКАЗ 6

ТАРИЭЛЯ РАССКАЗ О ТОМ, КАК ВПЕРВЫЕ ОН ПОЛЮБИЛ

После долгих вздыханий он рассказ продолжил свой:
"Помню я, с охоты доброй возвращались мы домой,
Царь сказал мне: "Дочь увидим", руку взял мою рукой.
Удивляюсь, что дышу я, вспоминая день былой.

Турачей велел властитель отнести в покой ее.
Дичь забрал я, отправляясь на сожжение свое;
Жизни долг платить я начал, стало грозным бытие.
Сердце каменное ранит лишь алмазное копьё.

Краше радостного рая сад расцвел передо мной:
Птицы там сирен искусней пели в зелени густой,
Водоем многофонтанный брызгал розовой водой;
В башню вход был занавешен тяжелой тканью золотой.

Знал я, царь хотел царевну уберечь от всех очей,
Я остался пред завесой, он вошел в покои к ней;
Ничего не мог я видеть, слышал только шум речей,
Был приказ: у амирбара взять в подарок турачей.

Подняла Асмат завесу, заглянул я в то жилище,
И узрел ее, и в сердце мне ударило копьё.
Турачей Асмат просила, тело вспыхнуло мое.
Горе мне, с тех пор не гаснет жар, палящий бытие!

Но исчезло то светило, что светило для светил!"
Он не снес воспоминанья, пал без чувств, лишенный сил.
Плач Асмат и Автандила эхо долгое будил:
"Ах, зачем врагоубийца длани грозные сложил!"

Грудь ему Асмат омыла, вновь глаза открыл герой,
Время долгое молчал он с сердцем, скованным тоской,
Сел, заплакал, и смешались слезы с черною землей;
Крикнул: "Множит боль и ужас отзвук радости былой!

Пробавляется ничтожным, кто влеком к мирским вещам,
Под конец дарит измену этот мир, любезный нам.
Жизнью сей непокоренным мудрецам хвалу воздам,
Слушай дальше, если дух мой не взовется к небесам.

Турачей Асмат я отдал и дошел до забытья,
Там упал и обмер, сила изменила мне моя;

А когда очнулся, слышал – громко плакали друзья,
Окружив меня, как будто те – пловцы, а я – ладья.

Во дворце на пышном ложе я лежал, как неживой.
Царь с царицей неутешно горевали надо мной,
На своих щеках ногтями след чертили кровяной.
Маги званные сказали, что сражен я сатаной.

И лишь только я очнулся, чуть коснулся свет очей,
Царь воззвал: "Ты жив, о сын мой, слово вымолви скорей!"
Не разжал я уст и вздрогнул, как безумный средь людей.
Снова я упал и обмер, кровяной лия ручей.

Все ученые смущались тяжким недугом моим,
Все в руках Коран держали и читали над больным,
Я не слушал их, болтали, будто – бесом одержим,
Был три дня в бездушном теле тот огонь неугасим.

Лекаря, дивясь, решили: "Знаем мы, чем болен он:
Не томим ничем лечимым, но тоскою истощен.
Зачастую, как безумный, гнал я выкриками сон;
Царских слез росой обильной был я щедро окроплен.

Так, ни жив ни мертв, лежал я во дворце три дня без сил.
А потом господь сознание мне внезапно прояснил,
Догадался я, несчастный, отчего мне свет не мил,
И терпения у бога всемогущего просил.

Я сказал: "Создатель, сжался над повергнутым рабом,
Превозмочь мученья дай мне, позаботься о больном,
Здесь любовь свою я выдам, отведи меня в мой дом".
И железным стало сердце, закаленное творцом.

Я привстал. Ко мне ходили люди царские гурьбой,
И царю они сказали: "Встал без помощи больной.
Властелин вбежал в волнение с обнаженной головой,
Он творца прославил громкой, люди – тихую хвалой.

Дали мне испить чего-то, отхлебнул я влаги той
И промолвил: "Государь мой, тело вновь сошлось с душой".
Захотел я дол изъездить вдоль излучины речной;
Привели коня, и сел я, и поехал царь со мной.

Мы пробрались по долине, долгий видели поток,
К дому царь со мной доехал, я вступил на свой порог:
Дома вновь предался власти прежних болей и тревог,
Прошептал: "Приблизься гибель, я от жизни изнемог!"

И от слез неосушимых стал шафрана я желтей,

Думы сердце рассекали, словно тысячи мечей,
Вратарем, вошедшим в спальню, уведен был казначей;
Думал я: что знает этот или тот? И ждал вестей.

"Раб Асмат", – "Впустите!" – было приказание дано,
Тот вошел с письмом любовным, странно было мне оно,
Усмехнулся: как другою будет сердце сожжено?
Мог ли эту заподозрить? Мне ли это суждено?

Изумился я: чем вызван дерзкой женщины призыв?
Если буду несговорчив, то, невеждою прослыв,
У нее, отняв надежду, злобный вызову порыв.
Мой ответ на то посланье был любезен и красив.

Проходили дни, и сердце всё жесточе пламень жег.
В поле шли войска для игрищ, я ж, веселью чуждый, слег;
Во дворец не шел; врачами наполнялся мой чертог;
И долги земные начал я уплачивать, как мог.

Но врачи не помогали, стал мне белый свет не бел,
И никто не мог заметить, что в огне я пламенел,
Тяжесть крови усмотрели, царь мне руку вскрыть велел;
Разрешил я, чтобы спрятать рой застрявших в сердце стрел.

Так лежал со вскрытой жилой я, сжигаемый огнем.
С чем вошел мой раб, я взором спросил его о том,
"Раб Асмат пришел", Велел я, чтоб его впустили в дом,
Осудив ее за дерзость в помышлении своем.

Вновь пришлось отдать вниманье неманящему письму,
В том письме желанье встречи было видно по всему;
Я в ответ: "Пора возникнуть удивленью твоему, -
Призовешь, и я поспешно приглашение приму".

Сердцу молвил: не откройся, хоть печали натиск лют!
Ведь индийцы амирбара, ими правящего, чтут,
И меня они осудят, если слухи к ним дойдут,
И по всей стране прохода мне тогда уж не дадут.

Человек явился царский, объявил: "Царь вести ждет;
Кровь пустил ли? – вопрошает, преисполненный забот",
Я ответил: "Руку вскрыл я, улучшение настает,
К блеску царскому из мрака будет весел мой приход".

Я к царю вошел, он молвил: "С этих пор всю боль забудь".
Дал коня мне, тетиву же не дозволил натянуть;
В небо ястребов пустил он, турачей сковала жуть,
В поле лучники усердно славословили наш путь.

А когда пришли с охоты, царь затеял славный пир
С неустанным пеньем хора, с ликованием арф и лир;
Драгоценности швырял он тем, кто немощен и сир,
Одарил и приглашенных, и немолчно певший клир.

Тосковал я, не терпевший ни притворства, ни лганья,
Вспоминал, ярилось пламя, содрогалась грудь моя;
Взял ровесников к себе я, любовались мной друзья, -
Чтобы скрыть страданья, праздник я устроил, скорбь тая.

Тихо на ухо сказал мне мой домашний казначей:
"Дева спрашивает, можно ль амирбара видеть ей?
Хоть чадрой лицо закрыто, но видна краса очей".
Я сказал: "В опочивальню отведи ее скорей".

Встал я; те, что пировали, повскакали второпях,
Я сказал: "Вернусь немедля, оставайтесь на местах",
Заходя к себе, поставил копьеносца при дверях.
Обязал к терпенью сердце, волю всю свою напруг.

В дверь вошел я, Вижу, дева пала наземь, Я смущен.
Слышу: "Истинно, да будет этот час благословлен".
Я дивился: кто ж содеет пред возлюбленным поклон?
Тихо села бы, коль ею навек навык страсти обретен.

Я взошел на возвышенье; в отдалении, одна,
Та на край ковра присела, уважения полна,
Я промолвил ей: "Приблизься, раз любовью зажжена".
На слова скупясь как будто, не ответила она.

Наконец проговорила: "Ныне стыд мне сердце жжет:
Ты подумал, что предпринят мой для этого приход?
Но теперь твоя же скромность мне надежду подает;
Недостойна и не знала я божественных щедрот.

Я сознание теряю, правит страх моей душой:
Ведь направлена к тебе я солнцеликой госпожой;
Эта царственная смелость подобает ей одной,
Вот письмо от повелевшей мне беседовать с тобой".

СКАЗ 7

ПЕРВОЕ ПИСЬМО НЕСТАН- ДАРЕДЖАН К ВОЗЛЮБЛЕННОМУ

Я узрел письмо той девы, что казнит, огнем одев;
Солнца луч писал: "Ты рану скрой, мучения стерпев:
Обмирание и мленье только вызовут мой гнев.
Я в уста Асмат влагаю речь мою к тебе, о лев.

Эти обмороки, слезы я за службу не сочла,
Соверши ты для любимой небывалые дела.
Многолюдная Хатайя нашей данницей была;
Нам терпеть не должно ею причиняемого зла.

Я иметь хотела мужем лишь тебя, желанный мой, -
Дело давнее сказалось только нынешней порой;
Из светлицы я узрела: обезумел ты, герой;
Всё слыхала я оттуда о случившемся с тобой.

Верь словам моим правдивым, не печалься ни о чем
И, нагрянув на Хатайю, там прославь меня мечом.
Не терзай напрасно розу слез томительных ручьем!
Я рассеяла твой сумрак, споря с солнечным лучом".

СКАЗ 8

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ТАРИЭЛЯ К ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Тут Асмат уже со мною говорила без тревог.
Ясность радостей несметных мой наполнила чертог;
Я дрожал в самозабвенье, сладкий трепет сердце жег.
И шафран в хрусталь и лалы превратить я снова смог.

Положил я пред очами дорогие письма
И ответил: "Можно ль солнцу одолеть тебя, луна?
Бог свидетель, что не будешь мною ты огорчена.
Ах, живу я или умер, или это грезы сна?"

Я сказал Асмат: "Отвечу то, что сердце изречет:
Доложить осмелюсь: солнце, мне ниспослан твой восход,
Ведь меня ты воскресила, указала мне исход,
Сослужу тебе я службу, не отвергну я забот".

Та сказала: "Мне царевны повеление гласит:
Пусть ко мне его прихода здесь никто не проследит,
Увлеченного тобою сохранять он должен вид;
Пусть по совести поступит, чтобы не было обид!"

Мне понравился столь мудрый девы царственный совет;
Даже солнцу стал угрозой огневой ее расцвет,
Мне досталась от любимой не обида, а привет.
Ах! В лучах ее терялся полдня яростного свет!

И камня дорогие в чаше подал я Асмат;
Дева молвила: "Не надо, всем довольна я стократ".
Лишь одно взяла колечко небольшое, наугад:
"Пусть оно на память будет, не хочу других наград".

И ушла Асмат, из сердца моего копье изъязв,
Тьму надежда осветила, я почуял счастье въявь,
И к пирующим вернулся для питья и для забав;
Одарил друзей, веселый, – веселее стал их нрав.

СКАЗ 9

ПИСЬМО, К ХАТАЙЦАМ НАПИСАННОЕ, И ОТПРАВЛЕНИЕ ГОНЦА

Я послал с письмом в Хатайю человека моего,
Написал: "Царю индийцев мощь дарует божество;
Царь покорное любое насыщает существо:
Кто проявит непокорство – пострадает оттого.

Вы, наш брат, не пожелайте стать причиной скорбей,
Сей приказ прияв, придите к нам по-братски поскорей;
А когда не поспешите – звон услышите мечей,
Берегитесь, чтобы кровью не окраситься своей".

С тем послал я человека. Стал я сердцем веселей
И, воскреснув, услаждался снова в обществе царей.
Одарял меня в то время мир изменчивый щедрей;
Ныне я, лишась рассудка, мерзок даже для зверей.

Я хотел уйти скитаться, но потом огонь утих,
На пирах я появлялся средь ровесников моих;
Но желаний разрастанье отравляло радость вмиг,
Мной печаль овладевала, белый свет казался лих.

Как-то раз домой вернулся я из царского дворца,
Вспоминал ее, не спалось, реял свет ее лица;
Я письмо держал во мраке, сладко грезя без конца,
Тут рабу сказал привратник о прибытии гонца.

"Раб Асмат". Велел я в спальню провести его живей.
Был я призван той, что в сердце мне всадила сталь мечей.
Мне во мгле блеснула радость, легче стал мне груз цепей;
Взяв с собой раба, поехал, чтоб увидеть свет очей.

Неприметно в сад безлюдный я пробрался без помех,
Вдруг Асмат пошла навстречу и промолвила сквозь смех:
"Шип я вырвала из сердца, и дождешься ты утех.
Подойди! Увидишь розу, что цветов прекрасней всех".

Тяжкий занавес с усилием кверху вздернула Асмат,
Засверкал престол, большими бадахшанами богат, -
Там сидела та, чей солнце ослепит внезапный взгляд.
Черных двух озер сверканьем был я, замерший, объят.

Долго я стоял, Безмолвно восседая предо мной,
Дева сладостно смотрела, словно был я ей родной,

Подошла ко мне служанка, пошептавшись с госпожой:
"Уходи, невмочь сегодня ей беседовать с тобой".

Мне Асмат открыла выход, снова занавес подняв;
Произнес я: "Мир мгновенный, я познал твой низкий нрав;
Исцеляя, ты готовишь для принятия отрав,
Пустоту приносишь сердцу, нежной грезой истерзав".

Но Асмат, когда мы с нею проходили сад густой,
Прошептала: "Уходящий, не терзай себя тоской
И, закрыв калитку страха, двери радости открой:
Та безмолвием спасалась от смущенья пред тобой".

Я сказал ей: "Врачеванья от тебя, сестра, я жду, -
О, не дай с душой расстаться, удали мою беду;
Посылай почаще письма, не покинь меня в саду;
Знаю, ты не будешь скрытной, в письмах правду я найду".

Я в слезах уехал, чуя в сердце трепет огневой,
Угасить не смог я в спальне неусыпный пламень свой,
И хрусталь и лал в безумье облекая синевой,
Предпочел я ночь и утра не желал, полуживой.

И пришла пора вернуться из Хатайи вестовым;
Лишь заносчивые речи там пришлось услышать им:
"Мы не трусы, крепостями не бедны и постоим!
Кто такой ваш царь, и как он господином моим стал?"

СКАЗ 10

ПИСЬМО ЦАРЯ ХАТАЙЦЕВ К ТАРИЭЛЮ, В ОТВЕТ НАПИСАННОЕ

"Тариэль, к тебе посланье начертал я, царь Рамаз.
Удивился я, увидя твой дерзостный приказ.
Как ты звал к себе владыку, победившего не раз?
Никаких посланий больше не хочу иметь от вас!"

Прочитав письмо Рамаза, я велел созвать войска.
Рать индийская, как чаща звезд небесных, велика.
Шли войска из мест окрестных, шли ко мне издалека,
Наполняя поле, скалы, лес и дебри тростника.

Все пришли без промедленья и предстали предо мной,
На смотрю я любовался их доспехов красотой,
Чудной удалью, с которой перестраивался строй,
Быстротой коней и славной хорезмийскою броней.

Черно-красный стяг я поднял, извещая воевод,
Что назавтра выступленье, лишь светило дня взойдет,
Но подумал: без свиданья как судьба нас разведет?
С лучезарной не увидясь, как отправлюсь я в поход?

Я пришел домой в раздумье, полный горестных тревог,
Ливнем слез неудержимых сердце скорбное разжег,
Говорил: "Благоприятным и теперь не стал мой рок;
Коль схватил рукою розу, что ж сорвать ее не смог?"

Раб вошел, и мне досталась утешенья благодать:
От Асмат письмо вручил он; быстро я сломал печать
И прочел: "Желанным солнцем ныне призванный опять,
Лучше ты приди, чем дома на судьбу свою пенять!"

Взволновал меня чрезмерно новый знак ее щедрот;
Я пошел, едва стемнело; снова в сад открылся вход,
И Асмат, как и впервые, появилась у ворот;
Улыбаясь, объявила: "Льва луна в чертоге ждет".

И вошел я в дом красивый, где терраса не одна;
В очи хлынула оттуда блеска белого волна.
Там, за занавесом сидя, вся в зеленом, та луна
Мне открылась одинока, огнеока и стройна.

Я вошел и перед нею стал поодаль у ковра;
Проясниться стало сердце, омраченное вчера.

Та придвинула подушку, лучезарна и добра,
Открывала и скрывала лунный лик ее игра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.